

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

АИМ

БЕРИЯ

2

ЗДАНИЕ
СТОИТ

ДЕЛО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВАЖНОСТИ

Желько Максимович

АИ, Берия 2

«Автор»

2026

Максимович Ж.

АИ, Берия 2 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

Восемь глав, восемь точек обзора, охватывающих почти век — с 1953 по 2053 год. Первая глава — Ночь Решения: Берия в кремлёвском кабинете ждёт исхода заговора и формулирует план «Эвклид» — пять аксиом переустройства Союза (амнистия, национальная автономия, единая нейтральная Германия, отказ от конфронтации, технологический рывок). Вторая — Зеленоград 1967 года: академик Завенягин-младший, сын соратника Берии по атомному проекту, разрабатывает план «Кремний» — горизонтальную реформу советской микроэлектроники. Третья — мета стратегическое видение: Берия под мескалином моделирует альтернативную ветвь, в которой он был расстрелян в декабре 1953-го, и наблюдает весь последующий распад — от Хрущёва до Беловежской пуши. Четвёртая — закрытое совещание 1972 года: Косыгин, Андропов, Гречко, Сулов и другие обсуждают стратегию пан-региона на фоне выхода Франции из НАТО, визита Никсона в Пекин и технологической гонки.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович АИ, Берия 2

Глава I. ПЯТЫЙ ЭТАЖ

Стратегическая метка: 27 июня 1953 года, 04:42. Кремль, кабинет № 47. Уровень: 5-й этаж власти. Горизонт планирования: 50 лет. Точка бифуркации пройдена. Вероятность удержания Евразийского пан-региона — 71% при условии устранения факторов А, В, К. Рекомендация: ускорение.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОЧЬ

1. Бессонница

Он не спал третью ночь. Бессонница давно стала его спутницей — старой, привычной, как перстень на левой руке. Но эта была другой. Бессонница марта — когда умирал Хозяин, когда четыре дня подряд кремлёвская квартира наполнялась запахом лекарств, мочи и страха, а врачи переглядывались, не смея произнести очевидное, — бессонница марта была бессонницей ожидания. Эта же, июньская, пахла не лекарствами, а порохом.

Лаврентий Павлович Берия сидел в кожаном кресле, положив ладони на стол — тяжёлые ладони с короткими пальцами, руки человека, который душил и подписывал, подписывал и душил. В кабинете горела только настольная лампа под зелёным абажуром — он не любил верхний свет, тот резал глаза, утомлял. Пахло одеколоном «Кремль», тяжёлым и сладковатым, и сыростью июньского рассвета, просачивающейся сквозь неплотно пригнанные оконные рамы.

Он снял пенсне, протёр стёкла замшевой тряпочкой и снова водрузил на переносицу. Жест был машинальным, почти ритуальным. Пенсне он носил не из кокетства — глаза начали сдавать ещё в Баку, когда он чертил разрезы и фасады при керосиновой лампе. Архитектор по первому образованию, техник-строитель, выпускник Бакинского механико-строительного училища 1919 года — он и сейчас, в пятьдесят четыре, помнил, как выводить тушью на ватмане: сначала карандашный эскиз, потом обводка, потом заливка акварелью. Архитектура учила его терпению. Архитектура учила его: сначала фундамент, потом несущие стены, потом крыша — и никогда наоборот.

Телефон молчал. Молчание телефона означало: всё кончено, они не успели, Маленков плывёт, Хрущёв нейтрализован, Жуков ждёт — или уже не ждёт.

Где-то за стенами кабинета ещё перезаряжали оружие люди из Девятого управления — его люди. Самая надёжная структура в системе, которую он выстраивал годами. Три тысячи отборных офицеров, лично преданных не партии, не государству, а ему. Зарплата вдвое выше армейской, пайки, квартиры в Москве. Он знал: преданность покупается. Он платил щедро, и до этой ночи его векселя не обесценивались.

Но молчание телефона было красноречивее любого звонка. Оно говорило: связь прервана. И не обычным способом — не обрывом проводов, которые его техники засекли бы мгно-

венно. Нет, связь прервана молчанием людей. Тех самых людей, которые ещё вчера козыряли и докладывали: «Будет исполнено, Лаврентий Павлович». Теперь они не подходят к трубке.

Он знал эту тишину. Она уже случалась в его жизни — в Тбилиси в тридцать седьмом, когда он ждал решения Москвы по делу Агнияшвили, и в сорок первом, когда немцы подходили к столице. Но та тишина была внешней. Эта шла изнутри его собственной системы. Она говорила: машина, которую ты построил, работает — но, возможно, не на тебя.

2. Архитектор

Он думал об этом всё чаще в последние недели — о том, что он архитектор, а не палач. Когда его называли палачом — за глаза, разумеется, никто не осмеливался сказать это вслух, — он кривил губы. Палач рубит головы. Архитектор строит здание. А здание требует фундамента. Если фундамент заложен на костях — что ж, таков строительный материал эпохи.

Он помнил Баку, девятнадцатый год. Город, пропахший нефтью и надеждой. Ему было двадцать, и он уже содержал мать и глухонемую сестру — перевёз их из Мерхеули, где ничего не осталось, кроме долгов отца и косых взглядов соседей. Он работал практикантом в конторе Нобелей, чертил разрезы нефтяных вышек — металлических конструкций, которые вонзались в небо Апшерона, как иглы в подушечку. По вечерам — училище. А по ночам — марксистский кружок, где его выбрали казначеем, потому что он единственный умел считать деньги так, чтобы они не исчезали.

Уже тогда он понял: мир — это конструкция. Несущие балки, распределение нагрузок, точка опоры. Если ты знаешь, где точка опоры, ты можешь перевернуть всё.

В двадцатом он уже работал в ЧК. В двадцать первом — заместитель начальника секретно-оперативной части. Он не рвался в чекисты — он рвался в инженеры. Писал рапорты, просил отпустить учиться, потом согласовал стажировку в Бельгии — представлял себе Льеж, аудитории, чертежи мостов и фабричных цехов. Но его не отпустили. Слишком хорошо он работал. Слишком грамотно, слишком хитро, слишком результативно. Архитектор стал инженером человеческих душ — задолго до того, как этот термин придумали для писателей.

И вот теперь, тридцать четыре года спустя, он сидит в кремлёвском кабинете и смотрит на карту мира. Мир 1953 года. Огромная карта во всю стену — её повесили ещё в сорок пятом, когда он возглавил атомный проект. На ней были отмечены флажками три зоны влияния. Красные — наши. Синие — американцы. И редкие зелёные — нейтралы, которым осталось жить считанные годы, прежде чем их затянет в одну из воронок.

3. Пан-регионы

Он взял со стола лист бумаги — гербовый бланк Совета Министров. Почерк у него был мелкий, инженерный, почти готический. Таким почерком подписывают чертежи. Он вывел: «О первоочередных мерах по переустройству Союза Советских Социалистических Республик».

Переустройство. Не реформа, не корректировка курса, не «улучшение работы партийных органов». Именно переустройство — архитектурный термин, корень «строй». Он видел Союз как здание, и здание это было построено неверно. Хозяин возводил его из подручных

материалов, на скорую руку, в расчёте на вечную войну — сначала гражданскую, потом мировую, потом холодную. Война кончилась. Здание трещало.

Фундамент — страх. Тридцать лет страха. Сначала страх белых, потом страх кулака, потом страх шпиона, потом страх космополита, потом страх врача-отравителя. Страх как строительный раствор. Он скреплял, он держал. Но раствор — не бетон. Со временем он выкрашивается, и тогда кирпичи летят вниз.

Несущие стены — репрессивный аппарат. ГУЛАГ, особые совещания, тройки, двойки, расстрельные списки, которые он сам когда-то подписывал, не глядя — потому что, если начать вглядываться, можно увидеть лица. Он видел лица. Он помнил их. Этого он не говорил никому.

Крыша — идеология. Марксизм-ленинизм в сталинской редакции. Догмат, короткий, как выстрел. Но догмат не грел. Догмат пугал. А пугать вечно нельзя — организм привыкает. Он, строитель, знал: такое здание не ремонтируют. Его разбирают до фундамента и возводят заново. Другого способа нет.

Он поднял глаза на карту.

Американский пан-регион уже оформился — и оформился блистательно, надо признать. Доллар как мировая валюта: Бреттон-Вудс сорок четвёртого, золотой стандарт, весь мир в долларовой петле. Флот, контролирующий все океанские проливы: Гибралтар, Суэц, Панамский канал, Малаккский пролив. Атомная бомба — уже не монополия после сорок девятого, но всё ещё преимущество: у них сотни, у нас десятки. Сеть баз от Японии до Норвегии — по периметру Евразии, как удавка. Даллес, Эйзенхауэр, новая администрация — они не отступят. Они будут сжимать кольцо, пока Союз не треснет по швам.

Китайский пан-регион ещё дремлет. Мао смотрит на Москву снизу вверх — пока. Но это «пока» закончится, как только Китай встанет на ноги. Через тридцать, сорок, пятьдесят лет — это неважно, по историческим меркам это мгновение. И тогда Евразия окажется разорванной между тремя центрами силы, а не двумя. Многополярный мир — это война всех против всех. Он читал Гоббса. Он знал.

Евразийский пан-регион существует только в его голове. Он должен собрать его из обломков войны, лагерей, страха и нерастраченной пассионарности народа, который только что потерял вождя и ещё не знает, что делать со свободой.

Он знал, что делать. Свободу не дают — её отмеряют, как яд в лекарстве. Ровно столько, чтобы организм мобилизовался, но не разрушился.

4. «Эвклид»

Он достал из сейфа тонкую папку. Сейф был вмонтирован в стену за портретом — стандартный кремлёвский сейф, сталь, кодовый замок, но с одним усовершенствованием. Если открыть сейф неправильно, содержимое самоликвидируется — небольшая термитная шашка, разработанная в лаборатории при НКВД ещё в тридцать восьмом. Он сам утверждал чертежи. Архитектор.

На обложке — гриф «Особая папка. Экземпляр № 1. Лично». Всего таких папок было три. Одна здесь. Вторая — у Серго, сына, в надёжном месте. Третья — мёртвый груз, закопанный в схроне под Киевом. Если с ним что-то случится — а он знал, что может случиться, — папки должны всплыть. Он не собирался уходить молча.

Внутри — четырнадцать машинописных страниц. План «Эвклид». Он назвал его в честь геометра, который построил мир на пяти аксиомах. Пять аксиом нового Союза.

Первая аксиома: амнистия. Два миллиона пятьсот двадцать шесть тысяч четыреста два человека в лагерях, тюрьмах и колониях — он знал цифры наизусть, потому что сам запрашивал сводку в марте. Из них особо опасных государственных преступников — двести двадцать одна тысяча четыреста тридцать пять. Остальные — «бытовики», «прогульщики», «опаздуны» и просто те, кто попал под колесо. Амнистия освободит миллион двести тысяч. Критики скажут: в города хлынет уголовщина. Он отвечал — и уже ответил на Президиуме: те, кто хлынет, — не уголовщина, а рабочая сила. Им нужны паспорта, работа, жильё. Дайте им это — и они будут драться за нового Хозяина, который дал им свободу.

Вторая аксиома: национальная. Никаких «старших братьев». Республики получают реальную автономию. Национальные кадры — на национальные должности. Русский язык остаётся языком межнационального общения, но не языком имперского принуждения. Украинец должен чувствовать себя украинцем в украинском правительстве — и одновременно гражданином Союза. Коренизация кадров, которую начали в двадцатых и свернули в тридцатых, будет возобновлена — но теперь без перегибов, без «украинизации насильно», без «казахизации» русских школ. Это тонкая работа, ювелирная. Он знал: национальный вопрос — мина замедленного действия. Если не разминировать сейчас, рванёт через поколение.

Третья аксиома: германская. Единая, нейтральная, демилитаризованная Германия. Он был готов отдать ГДР — да, отдать. Никто в Президиуме не осмелился бы сказать это вслух, но он осмеливался. Восстание в Берлине 17 июня показало: восточные немцы не хотят социализма. Они хотят масла, а не пушек. Если он предложит Западу сделку — единая нейтральная Германия в обмен на признание границ социалистического лагеря, — Запад согласится. Да, это потеря буферной зоны. Но буферная зона, которая бунтует, — не буфер, а фитиль.

Четвёртая аксиома: отказ от конфронтации. Переговоры с американцами не с позиции слабости, а с позиции силы. Атомная бомба дала ему право говорить на равных. Водородная — тем более. Холодная война стоила Союзу 20% бюджета ежегодно. Эти деньги должны пойти на жильё, дороги, больницы, школы. Народ не может вечно затягивать пояс.

Пятая аксиома: технологический рывок. Атомный проект уже дал бомбу — первую советскую, РДС-1, испытанную 29 августа сорок девятого, а теперь и водородную, РДС-6с, которую Сахаров с Курчатовым подготовили к августу пятьдесят третьего. Теперь атомный проект даст реакторы. Он, Берия, курировал атомную программу с сорок пятого — со дня, когда Сталин вызвал его и сказал: «Товарищ Берия, американцы взорвали Хиросиму. У нас ничего нет». Тогда он ответил: «Будет, товарищ Сталин». И через четыре года — было.

Теперь он понимал: следующий технологический уклад будет не военным, а энергетическим. Атомные электростанции — дешёвое электричество, которое зальёт страну светом. Электричество — это заводы. Заводы — это независимость. Кто контролирует энергию — контролирует пан-регион.

5. Пятый этаж

Было в этом что-то почти мистическое, думал он. Кремль — четырёхэтажное здание. Сенатский дворец, жёлтое каре с внутренним двором, где когда-то гуляла Екатерина. Власть в Кремле распределялась по этажам, и это знали все посвящённые.

Первый этаж — технический персонал, охрана, гаражи. Второй этаж — аппарат Совета Министров, секретариаты, канцелярии. Третий — кабинеты министров, членов Президиума, здесь вершилась повседневная политика. Четвёртый — кабинет Сталина, кабинет Маленкова (теперь), зал заседаний Президиума, «ореховая комната» для узких совещаний. Четвёртый этаж был вершиной советского Олимпа — так считалось.

Но Берия знал: есть и пятый этаж. Невидимый. Не отмеченный на планах. Пятый этаж — это структуры, которые контролировали структуры. Люди, которые контролировали людей. Пятый этаж — это сеть, раскинутая им за двадцать лет работы в органах. Начальники управлений МВД во всех республиках, командующие внутренними войсками, резиденты внешней разведки, директора «шарашек» — секретных КБ, где эки-учёные проектировали самолёты, ракеты, подводные лодки. Пятый этаж не проводил совещаний и не публиковал протоколов. Он просто работал. Как нервная система организма — невидимая, но без неё организм мёртв.

В эту ночь он ждал: сработает ли пятый этаж? Люди из Девятого управления должны были нейтрализовать ключевых военных — тех, кого Жуков мог бросить на Кремль. Люди в МВД должны были перекрыть связь между заговорщиками. Люди в разведке должны были перехватывать сигналы из резидентур — на случай, если Маленков попытается обратиться к американцам за поддержкой (Берия не исключал и этого: Георгий Максимилианович был слаб, а слабые обращаются к сильным).

Пятый этаж молчал.

Это могло означать две вещи. Либо всё идёт по плану — настолько гладко, что не требуется докладов. Либо пятый этаж рухнул — и он, Берия, сидит в кремлёвском кабинете, как в ловушке, не зная, что люди, которым он платил и верил, уже перешли на другую сторону.

Он не боялся смерти. Он слишком часто видел её — близко, лицом к лицу. Смерть была для него инструментом, как рейшина или логарифмическая линейка. Но его бесила мысль о том, что план может провалиться не из-за ошибки в расчётах, а из-за человеческой слабости. Кто-то дрогнул. Кто-то испугался. Кто-то пересчитал шансы и решил, что поставить на Маленкова — выгоднее.

Этого он простить не мог.

6. Видение: Мерхеули, 1907

Внезапно — так, бывало, в минуты крайнего утомления — стены кабинета растворились, и он увидел другое.

Мерхеули. Село в Абхазии, зажатое между горами и морем. Лето 1907 года. Ему восемь лет. Он сидит на пороге дома — не дома, сабли, мазанки с земляным полом, — и смотрит, как

мать развешивает бельё. Марта Джакели, мегрелка из обедневшего княжеского рода Дадияни — но какое княжество, если в доме последняя курица и та не несётся? Она поёт по-мегрельски — низким, грудным голосом. Песня про море, про рыбака, который не вернулся. Он не понимает слов — мегрельский он забыл потом, вытеснил русским, языком власти, — но помнит мелодию. Она вплетается в запах моря, в жаркое марево над дорогой, в стрекот цикад.

Отец ушёл ещё затемно — в горы, на заработки. Павел Хухаевич Берия, крестьянин, который так и не поднялся выше крестьянина. Сыну он оставил только фамилию и предупреждение, сказанное однажды, когда Лаврентий пришёл из школы с подбитым глазом: «Не дерись. Ты маленький, ты проиграешь. Думай. Если подумаешь — ты уже победил».

Он запомнил. Он всегда думал.

Картинка растворилась.

7. Видение: Сухуми, 1915

Сухумское высшее начальное училище. Ему шестнадцать, он круглый отличник — не потому, что любил учиться, а потому что знал: только учёба вытащит его из этой дыры. Аттестат с отличием. Учителя говорят: «Езжай в Баку, там техническое училище, будешь инженером». И он едет — на последние деньги, собранные селом. Село потом будет гордиться: наш Лаврентий стал большим человеком. Село не будет знать, каким человеком он стал.

Баку встречает его нефтяным ветром и какофонией языков. Тюркский, армянский, русский, персидский — город говорит на всех языках империи и ни на одном из них не договаривается до конца. Здесь он впервые видит, как работает капитал: нефтяные вышки Нобелей, цистерны, шум моторов, деньги, текущие по трубам вместе с нефтью. И здесь же — нищета рабочих кварталов, где люди ютятся в землянках, а дети умирают от дизентерии.

Здесь он вступает в марксистский кружок. Не из идейных соображений — идейность придёт потом, когда он прочтёт Ленина и поймёт, что это не утопия, а технология. Технология переустройства мира. Берия всегда был технологом. Марксизм для него — не вера, а сопромат. Рассчитать нагрузки, распределить усилия, найти точку опоры.

Он трясёт головой. Картинка гаснет. Стены кабинета возвращаются.

8. Хозяин

Он думает о Сталине. Не «товарищ Сталин» — Хозяин. Так они все называли его между собой, и слово это было точным. Хозяин не был отцом, не был вождем, не был учителем — вся эта пропагандистская мишура была для газет. Хозяин был хозяином. Он владел страной, как крестьянин владеет двором, — со всем, что во дворе: скотиной, птицей, батраками и членами семьи.

Берия работал с ним двадцать два года. Двадцать два года он изучал этого человека — его привычки, его страхи, его ритм. Сталин ложился в четыре утра и вставал в полдень. Сталин никогда не повышал голоса — он говорил тихо, с грузинским акцентом, и от этой тишины кровь стыла в жилах. Сталин не угрожал — он только смотрел, и ты понимал: ты уже мёртв, просто ещё не знаешь об этом.

И вот он умер. Просто взял и умер — 5 марта 1953 года, в 21:50, на ближней даче в Кунцево. Врачи не спасли. Охрана опоздала с докладом. Когда Берия приехал на дачу, Хозяин уже лежал на полу в луже собственной мочи, и Берия, глядя на это тело, некогда всесильное, а теперь жалкое, сказал фразу, которую потом повторяли как доказательство его цинизма: «Я же говорил: надо вовремя убирать». Он имел в виду врачей. Но все услышали другое.

Тело Хозяина ещё не остыло, а борьба уже началась. Трое — Маленков, Берия, Хрущёв — сидели в комнате рядом и делили власть, как делят наследство братья, ненавидящие друг друга. Маленков взял Совет Министров. Берия — МВД, объединённое с МГБ, всю силовую вертикаль. Хрущёв — Секретариат ЦК. Три центра силы. Три вектора.

Берия знал: такая конструкция неустойчива. Треножник стоит, только пока все три ноги на земле. Если одну ногу убрать — остальные упадут. Вопрос был лишь в том, кто упадёт первым.

9. Девятый круг

Он вспомнил заседание Президиума. Не вчерашнее — позавчерашнее. 25 июня. Жаркий день, открытые окна, влетает тополиный пух. Маленков сидит во главе стола — на месте Хозяина, и видно, что ему неуютно: кресло велико, стол велик, роль велика. Хрущёв по левую руку — лысый, круглый, потный, говорит быстро, много, сбивчиво. Молотов молчит, буравит Берию взглядом: они никогда не любили друг друга. Ворошилов клюёт носом. Каганович угодливо поддакивает — пока неясно кому. Булганин смотрит в окно.

Берия докладывал о Германии. Говорил спокойно, ровно, как на лекции в Политехническом. Цифры. Аргументы. Процент недовольных. Стоимость оккупации. И вдруг — посреди его доклада — Хрущёв перебил:

— Товарищ Берия, а не слишком ли вы увлеклись немецким вопросом?

Это был не вопрос. Это был сигнал. Берия понял это мгновенно — и понял, что сигнал подан не ему. Сигнал подан остальным: «Начинаем».

Он тогда ничего не ответил. Продолжил доклад. Но, вернувшись в кабинет, вызвал начальника Девятого управления и сказал три слова: «Приведите в готовность». Это было 25 июня, 16:00.

Прошло тридцать шесть часов. Сорок три минуты сверх того.

Он ждал.

10. Папироса

Он закурил папиросу «Герцеговина Флор» — табак, который курил Хозяин и который теперь курили все члены Президиума, не потому что нравился, а потому что так было принято. Синий дым поднялся к потолку, подсвеченный зелёным абажуром.

Он думал о том, что будет через пятьдесят лет.

Странное свойство ума: в минуты наивысшего напряжения он не фокусировался на сиюминутном — он раздвигал горизонт до предела. Может быть, это было защитной реакцией. Может быть, профессиональной деформацией архитектора: он не умел думать о кирпичах, он думал о здании.

2003 год. Через полвека. Здесь, в этих стенах — или в их руинах, или в их обновлённом великолепии, — будут сидеть другие люди. Они не будут знать, что 27 июня 1953 года история повернула. Или не повернула. Они будут жить в мире, которого ещё нет. В мире, где Евразийский пан-регион существует — или не существует. Где русский, украинец, казах, грузин называют себя гражданами Союза — или воюют друг с другом. Где атомные реакторы дают свет в каждый дом — или лежат заброшенными, потому что плановая экономика не справилась с технологическим переходом.

Он, Берия, видел этот мир — будущий мир — с той же ясностью, с какой когда-то видел на ватмане разрезы ещё не построенных зданий. И эта ясность была для него реальнее, чем тишина телефона, чем запах одеколона, чем синий дым папиросы.

Если он выиграет — будущее будет его.

Если проиграет — будущего не будет вовсе. По крайней мере, для него.

Где-то в подкорке пульсировала мысль: а что, если они всё-таки успеют? Что, если через час в кабинет войдут — не его люди, а люди Жукова, — и скажут: «Лаврентий Павлович, прошу проследовать»? И это будет конец.

Он знал: в такой игре не бывает второго места. Или ты — Хозяин. Или тебя — в подвал.

Но странным образом страх исчез. Исчез ещё в марте, когда он стоял над мёртвым Сталиным и смотрел на тёмную лужицу, расплзавшуюся по паркету. Тогда он понял: даже Хозяин — всего лишь тело. Тело мочится. Тело смердит. Тело гниёт. Бессмертен только план. Только конструкция. Только архитектура.

Он, Лаврентий Павлович Берия, был архитектором. И он построил пятый этаж.

Оставалось узнать, выдержит ли он первый настоящий удар.

11. Рассвет

За окном занимался рассвет. Жёлтый, пыльный, московский. Солнце поднималось над Москвой-рекой, и лучи его падали на зубцы Кремлёвской стены. В городе ещё спали: дворники ещё не вышли с метлами, трамваи ещё не звенели, очереди у магазинов ещё не выстроились в привычный серый хвост. Миллионы людей — инженеры, рабочие, колхозники, учителя, зэки, надзиратели, стукачи и просто обыватели — ещё не знали, что сегодня что-то решится. И что от этого что-то зависит их жизнь на десятилетия вперёд.

Он посмотрел на часы. 04:51. Он докурил папиросу и затушил её в бронзовой пепельнице — подарок от Серго, какая-то абхазская чеканка, виноградная лоза и башня на скале.

Он открыл верхний ящик стола. Там лежал браунинг — именной, с гравировкой «За заслуги перед Родиной». Он взял его в руку, взвесил. Холодная сталь. Семь патронов в обойме.

Он положил браунинг обратно.

Не потому, что испугался. И не потому, что надеялся на чудо. А потому что понял: архитектор не стреляет. Архитектор строит.

Он закрыл ящик. Запер сейф. Встал из-за стола и подошёл к окну.

Рассвет разгорался. В лучах солнца Кремль казался не жёлтым, а золотым. Где-то далеко, за Москвой, за лесами, за Уралом, в секретных городах — Арзамас-16, Челябинск-40, Семипалатинск-21 — его учёные продолжали работу. Курчатов, Сахаров, Харитон, Зельдович — они не знали, что их куратор, возможно, уже арестован. Они просто работали. В этом была сила его системы: она работала сама, как атомный реактор — раз запущенная, она шла на само разогреве.

И тогда он понял: даже если его — убьют. Даже если его — в подвал. Даже если его — расстреляют. План «Эвклид» останется. Реактор не остановится. Пятый этаж не рухнет. Потому что он построил не просто сеть людей — он построил идею. А идею, в отличие от человека, нельзя арестовать.

Он улыбнулся — впервые за трое суток. Улыбка у него была странная: тонкие губы раздвигались, открывая мелкие зубы, и лицо становилось похожим на морду хорька. Так говорили недруги. Но сейчас его никто не видел.

Он отошёл от окна, вернулся к столу и взял в руки лист бумаги — тот самый, с заголовком «О первоочередных мерах по переустройству Союза Советских Социалистических Республик». Под заголовком — пока пусто. Четырнадцать машинописных страниц лежали в сейфе. Но это был не окончательный вариант. Окончательный он напишет сегодня. Или завтра. Или никогда.

Он обмакнул перо в чернильницу и вывел первую строку:

«Исходя из необходимости коренного переустройства основ советской государственности, принимая во внимание изменившуюся геополитическую обстановку и накопленный негативный опыт предшествующего периода...»

Рука дрогнула. Он отложил перо.

Перо подождёт. Сначала — дождаться седьмого утра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДЕНЬ

12. Танки

В 16:30 27 июня сотрудники аппарата Совета Министров, выглянув в окна, увидели танки.

Танки шли через Крымский мост — колонна «тридцатьчетвёрок», хотя война кончилась восемь лет назад, в Москву входили именно они. Лёгкие, быстрые, с характерным наклоном лобовой брони. Их гусеницы лязгали по брусчатке Садового кольца, и звук этот разносился по всей Москве.

Кто их привёл? Приказ был подписан Булганиным — министром обороны. Но Булганин никогда ничего не подписывал без оглядки на Маленкова. А Маленков — без оглядки на Хрущёва. Круг замкнулся.

Берия узнал о танках в 16:42. Ему доложил полковник Саркисов — начальник личной охраны, один из немногих, кто остался на связи.

— Лаврентий Павлович, — голос Саркисова был спокоен, но это было спокойствие человека, который уже всё решил. — К Кремлю движется колонна. Сорок машин. Кантемировская дивизия.

Берия молчал. Кантемировская — это не просто дивизия. Это та самая дивизия, которую Жуков поднял ещё при Хозяине, когда надо было брать власть. Жуков. Значит, маршал выбрал сторону. Пятый этаж не сработал — или сработал против.

— Кто командует? — спросил Берия, и голос его не дрогнул.

— Генерал Москаленко. Ордер на арест подписан Президиумом.

— Все?

— Все. Маленков, Хрущёв, Молотов, Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Полный набор. Даже Микоян — старый друг, с которым они когда-то делили кавказские застолья. Даже он.

Берия положил трубку. Посмотрел на браунинг в верхнем ящике. Не взял.

Архитектор не стреляет.

13. Арест

Они вошли в кабинет в 16:57. Москаленко — высокий, грузный, с лицом человека, который выполняет неприятную, но неизбежную работу. За ним — два офицера, молодые, с автоматами наизготовку. Затем — группа генералов, человек шесть.

Берия стоял у стола. Он не сел, когда они вошли, — и это было единственное, что он себе позволил. Молча смотрел на Москаленко, и Москаленко, старый фронтовик, отчего-то опустил глаза.

— Лаврентий Павлович, — сказал Москаленко. — Мне поручено...

— Знаю, — перебил Берия. — Ордер.

Он произнёс это слово так буднично, как если бы речь шла о расписании поездов. Москаленко замешкался, и Берия добавил:

— Я сам пойду. Не надо наручников.

И пошёл. Без пенсне — оно осталось лежать на столе. Без папирос — они остались в портсигаре. Без браунинга — он остался в ящике.

Он вышел в коридор, и генералы расступились.

В этот момент Берия понял: конец. Но странным образом это не было поражением. Это было проверкой расчётов. Он построил систему. Он просчитал нагрузки. Он знал, где точка опоры. Точка опоры выдержала — и выдержит без него. Значит, он построил, верно.

Его вывели во внутренний двор. Танки уже стояли по периметру Кремля — жерла орудий смотрели на жёлтые стены. Он сел в машину. Рядом — Москаленко, на заднем сиденье, прижимаясь плечом к его плечу — то ли для конвоя, то ли для того, чтобы Берия не выпрыгнул на ходу, хотя он и не собирался.

Машина тронулась.

14. Эпилог: Москва, 27 июня 1953 года, 17:10

Московский вечер. Солнце клонится к закату — золотой шар над Воробьёвыми горами.

Водитель включил радио. Передавали симфоническую музыку — Глиэр, «Медный всадник». Музыка лилась из динамика, густая, торжественная, трагическая, и Берия, слушая её, думал: как странно, что самое важное утро твоей жизни заканчивается симфонией о памятнике.

Машина свернула на Арбат. В переулке старуха торговала семечками. Она подняла голову, увидела кортеж — чёрные ЗИМы, охрану, — и перекрестилась. О чём она молилась, неизвестно. Может быть, о спасении души человека, которого везли в неизвестность. Может быть, о том, чтобы этот человек никогда больше не вернулся.

Берия не видел старухи. Он смотрел на город — на послевоенную Москву, которую отстраивали по его планам (да, он успел приложить руку и к градостроительству: курировал восстановление Сталинграда, утверждал генплан). Сталинские высотки ещё не все были достроены — только семь из восьми, — но уже возвышались над горизонтом, как каменные стражи. Он когда-то поддержал этот проект: высотки были архитектурным жестом, утверждением вертикали власти в камне. Теперь он смотрел на них из машины арестанта, и ирония этого зрелища его почти забавляла.

Он знал: через год его не станет. Через полгода — суд. Ещё через полгода — приговор. Он знал это так же точно, как знал сопротивление бетона на сжатие: 150 килограммов на квадратный сантиметр. Человеческая подлость — примерно столько же.

Но он знал и другое: его идеи — амнистия, национальная автономия, германское урегулирование, атомная энергетика — никуда не денутся. Хрущёв забудет, что это были идеи

Берии. Он назовёт их «оттепелью», «реабилитацией», «мирным сосуществованием» — и будет прав. Это будут его идеи. Но они будут жить. И это — главное.

Потому что архитектор строит не для себя. Архитектор строит для тех, кто придёт после.

Машина въехала в ворота Лефортовской тюрьмы. Ворота закрылись. Тишина.

Стратегическая метка: 27 июня 1953 года, 17:10. Смещение фактора В. Перерасчёт: вероятность удержания Евразийского пан-региона — 68% (снижение на 3% из-за потери оператора). Программа работает в автоматическом режиме. Рекомендация: ожидание. Горизонт планирования: 50 лет. Обратный отсчёт запущен.

Глава II. ЗЕРКАЛО С ОБРАТНОЙ СТОРОНЫ

Стратегическая метка: 14 сентября 1967 года, 23:18. Особняк на Рублёвском шоссе. Уровень: 3-й этаж власти (докладная записка для 5-го). Горизонт: 20 лет. Пан-региональная конфигурация: стабильная, триполярная. Угроза: технологическое отставание. Вероятность удержания приоритета — 53%, тенденция снижающаяся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗЕЛЕНОГРАД

1. Город на песке

Город стоял на песке.

Не на речном, не на морском — на ледниковом. Тысячи лет назад здесь прошёл ледник, оставив после себя песчаные холмы, сосновые боры и странное чувство, что земля под ногами ещё не улеглась окончательно, ещё дышит, ещё помнит тяжесть ушедшего льда.

Юлий Авраамович Завенягин любил это чувство. Оно напоминало ему, что всё временно. Даже лёд. Даже камень.

Он стоял у окна своего кабинета в корпусе «Б» Научного центра и смотрел, как над Зеленоградом разгорается сентябрьский закат. Город был молод — ему исполнилось всего девять лет с момента основания, — но уже обрёл ту особенную, слегка надменную осанку, какая бывает у места, знающего себе цену. Зеленоград не был похож на Москву — Москва теснилась, давилась, вгрызалась в себя переулками и пробками. Здесь всё было наоборот: простор, геометрия, свет. Широкие проспекты, названные не именами вождей, а словами, почти поэтическими: Центральный, Панфиловский, Сосновая аллея. Здания Научного центра — бетон, стекло, строгие линии, никаких колонн и портиков. Архитектура будущего, которое уже наступило для тех, кто умел его видеть.

Завенягин-младший умел. Ему было тридцать семь, и он возглавлял НИИ молекулярной электроники — один из шести институтов Научного центра, составлявших гордость и тайну советской микроэлектроники. НИИМЭ, завод «Микрон», две тысячи сотрудников, двадцать семь лабораторий, четыре опытных цеха с классом чистоты «десять» — десять пылинок на кубический фут, почти вакуум, почти стерильность операционной. Здесь уже делали интегральные схемы. Не первые в мире, но первые в Союзе. И они отставали.

Это отставание было невидимо для газет. Газеты писали о триумфах советской науки: спутник в пятьдесят седьмом, Гагарин в шестьдесят первом, водородная бомба, атомный ледокол, луноход на подходе. Газеты молчали о другом: о том, что американцы уже перешли от дискретных транзисторов к микросхемам средней интеграции, что Fairchild Semiconductor, Intel, Texas Instruments штампуют процессоры сотнями тысяч, что в Кремниевой долине инженер, поссорившись с начальством, не идёт под суд, а открывает новую компанию — и иногда выигрывает.

Завенягин знал: их отставание — два года. Пока два. Через пять лет будет пять. Через десять — десять. Он не знал термина «закон Мура» — Гордон Мур ещё только готовил свою знаменитую статью для журнала Electronics, она выйдет в апреле шестьдесят восьмого, — но он уже чувствовал этот закон нутром. Каждые восемнадцать месяцев число транзисторов на кристалле удваивалось. Это было не развитие — это был взрыв. И в эпицентре взрыва были не они.

Он отвернулся от окна, сел за стол и перечитал последний абзац своей записки. Записка называлась сухо, по-академически: «О перспективах развития твердотельной микроэлектроники в СССР на период 1967–1985 гг.» Но он знал, что пишет не академическую статью. Он пишет докладную, которая ляжет на стол Лаврентию Павловичу. И цена формулировок в этой докладной — не научная степень. Цена — судьба проекта.

2. Девять лет стройки

Откуда взялся Зеленоград? Он помнил это лучше многих. 1962 год. Ему тридцать два, он только что защитил кандидатскую по физике твёрдого тела в МГУ, и его вызвали в ЦК — не к Брежневу, не к Косыгину, а в тот самый кабинет на пятом этаже. В кабинет Берия.

— Мне нужна ваша голова, Юлий Авраамович, — сказал Берия тогда, без предисловий. Он сидел за столом, положив перед собой папку с грифом «Особая». Он постарел за девять лет после пятьдесят третьего — набрякли веки, углубились морщины, седина тронула виски, — но взгляд остался прежним: тяжёлым, оценивающим, ничего не упускающим. — Вы знаете, что такое интегральная схема?

Завенягин знал. Американцы Килби и Нойс сделали её в пятьдесят восьмом и пятьдесят девятом. Кремниевый кристалл, плоскостная технология, несколько транзисторов на одной подложке. Он объяснил. Берия слушал, не перебивая.

— Хорошо, — сказал Берия. — С этого дня вы — заместитель директора будущего Центра микроэлектроники. Вот постановление. — И протянул лист. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1962 года № 831-353. «Об организации Центра микроэлектроники — Научного центра и комплекса НИИ и КБ в союзных республиках». Место: станция Крюково, тридцать семь километров от Москвы. Срок: немедленно.

— Города ещё нет, — добавил Берия, заметив его колебание. — Сначала построим заводы. Потом институты. Потом жильё. Потом всё остальное. Так строят атомные города, так построим и этот.

И построили. 1962 — НИИ микроприборов, завод «Компонент». 1963 — НИИ точной технологии, «Ангстрем». 1964 — НИИ молекулярной электроники, «Микрон». 1965 — Мос-

ковский институт электронной техники, МИЭТ. Каждый год — новый институт, новый завод, новый микрорайон. Деньги текли рекой. Берия выбивал их из Госплана — Завенягин не знал как, но подозревал, что с помощью той же пятой вертикали, которая когда-то спасла его в пятьдесят третьем.

Теперь, в шестьдесят седьмом, Зеленоград производил микросхемы. Не передовые — копии американских, сделанные с задержкой в два года (разведка работала, но разведка приносила образцы, а не технологии). Но производил. И в этом была проблема.

3. Видение: Норильск, 1944

Завенягин-младший редко вспоминал отца. Точнее, запрещал себе вспоминать — потому что воспоминание было слишком тяжёлым.

Но иногда — в минуты усталости, как сейчас, — память прорывала запрет. И он видел отца. Вернее — слышал.

Ноябрь 1944 года. Норильск. Ему четырнадцать. Они сидят в бараке — не в квартире, а именно в бараке, потому что отец считал: директор должен жить там же, где рабочие. За окном минус сорок, пурга, полярная ночь. Отец, Авраамий Павлович Завенягин, только что вернулся с комбината — уставший, с красными от недосыпа глазами, — но не лёг спать, а подсел к сыну и сказал:

— Ты знаешь, что здесь самое главное?

Юлий пожал плечами. Он знал: никель. Завод давал никель для танковой брони.

— Не никель, — сказал отец. — Самое главное — что этот город стоит на вечной мерзлоте. Если мы ошибёмся с фундаментом хоть на сантиметр — мерзлота растает, и город уйдёт под землю. Всё, что мы строим, — на грани. Всегда на грани. Запомни это.

И он запомнил.

Потом, в пятьдесят третьем, отца не стало — врачи сказали: сердце, но все знали: сердце остановилось, когда арестовали Берию. Авраамий Павлович был его заместителем по атомному проекту. Он не пережил падения Хозяина — не физически, нет, он умер в декабре пятьдесят шестого, — но он угас, потеряв точку опоры. Пятый этаж рухнул на четвёртый, а четвёртый — на третий.

И теперь Юлий стоял на том же фундаменте. И чувствовал: мерзлота под ногами теплеет.

4. Горизонтальные связи

Берия принял его в 21:00.

Особняк на Рублёвском шоссе был невелик — по кремлёвским меркам, почти скромн. Два этажа, сосны до неба, охрана по периметру. Никакой роскоши, кроме одной: тишина. Тишина была здесь такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом.

Кабинет — на втором этаже. Те же зелёные абажуры, та же карта на стене, те же книжные шкафы. И тот же запах — одеколон «Кремль», табак «Герцеговина Флор». Завенягин почувствовал его, войдя, и на мгновение перенёсся на четырнадцать лет назад: мальчишка, сын замнаркома, провожает отца на совещание к Берии и впервые видит человека, про которого говорят шёпотом.

Теперь он сам стоит перед этим человеком. Шёпот остался, но теперь шёпот был не страхом, а уважением. Или почтительностью. Или расчётом. Завенягин сам не знал точно.

— Читал твою записку, — сказал Берия. Он сидел в кресле, положив ладони на стол. Ладони постарели — кожа истончилась, проступили вены, — но лежали так же тяжело. — Про интегральные схемы. Про микропроцессоры — ты пишешь это слово, хотя процессора в привычном понимании ещё нет. Похвально. Ты пишешь: «К 1980 году страна, не обладающая собственным производством микропроцессоров, теряет стратегическую субъектность». Объясни.

Завенягин облизал губы. В горле пересохло. Он пил воду перед выходом из дома, но сейчас, под этим взглядом, всё вернулось.

— Лаврентий Павлович, — начал он, — вы помните, как в сорок девятом мы догоняли американцев по бомбе. Уран, плутоний, взрывчатка, физика. Там всё было понятно. Мы получили данные разведки, мы скопировали конструкцию, мы наладили производство. Это была инженерная задача. Гигантская, но инженерная.

Берия кивнул. Он всё помнил.

— Здесь другое. Микропроцессор — это не изделие. Это философия. Его нельзя украсть чертежами. Нужна экосистема: чистая вода, чистый воздух, чистые мозги, конкуренция идей, свобода ошибки. Мы построили заводы — «Микрон», «Ангстрем», «Элион». Мы построили институты. Но мы не построили культуру.

— Культуру, — повторил Берия. — Поясни.

— В Штатах инженер может уйти из Fairchild в Intel. Или из Intel в Texas Instruments. И никто не назовёт его предателем. Там текучесть кадров между компаниями — это норма. Это даже поощряется: идеи циркулируют, мозги не застаиваются. Вся Кремниевая долина выросла из восьми человек, которые ушли от Шокли в пятьдесят седьмом. Они ушли — и создали Fairchild. Потом от Fairchild ушли Нойс и Мур — создали Intel. Это не распад. Это размножение.

Он перевёл дыхание.

— У нас переход из одного КБ в другое — измена Родине. Буквально. Если ведущий инженер НИИМЭ захочет перейти в НИИ точной технологии — он напишет заявление, ему откажут, он пойдёт жаловаться, и его вызовут в особый отдел. Потому что он — носитель государственной тайны. А какой тайны? Он носитель инженерной мысли. Но мысль, запертая в одном КБ, не скрещивается с мыслью из другого. И получается, что у нас не шесть институтов, а шесть крепостей. И между ними не дороги, а рвы.

Берия молчал и смотрел на карту. Завенягин продолжил, уже смелее:

— Есть ещё одна вещь. В Штатах микроэлектроника началась с военных заказов — так же, как у нас. Минитмен, Аполлон — всё это требовало миниатюризации. Но к середине шестидесятых они поняли: главный рынок — не военный, а гражданский. Калькуляторы, часы, потом — персональные компьютеры. И они открыли этот рынок. У нас микроэлектроника на сто процентов в оборонке. Мы не делаем гражданские микросхемы. Мы не знаем, что такое рыночный спрос. Мы работаем по техзаданию Министерства обороны. А техзадание — это всегда «догнать и перегнать», без понимания, что мы догоняем.

Он замолчал. Тишина в кабинете стала звенящей.

Берия поднялся. Подошёл к окну. За окном шумели сосны — сентябрьский ветер раскачивал верхушки, и сосны гудели, как орган. Он стоял так долго — минуту, две, три, — и Завенягин уже решил, что сказал лишнее.

Потом Берия заговорил. Не оборачиваясь.

— Твой отец, Авраамий, однажды сказал мне фразу, которую я запомнил на всю жизнь. Он сказал: «Лаврентий, мы выиграли гонку, потому что бежали спиной вперёд». Я спросил: «Что это значит?» Он ответил: «Американцы смотрели на нас. Мы смотрели на американцев. Никто не смотрел вперёд. Но мы добежали первыми, потому что у нас был лучший старт».

Он повернулся.

— Старт кончился. Теперь надо смотреть вперёд. Ты это понимаешь. Но понимает ли система?

Завенягин молчал. Ответ был очевиден.

5. Система и зеркало

— Система, — продолжал Берия, возвращаясь в кресло, — это зеркало. В зеркале человек видит себя. Система — зеркало народа. Если народ привык бояться — система будет держаться на страхе. Если народ привык ждать приказа — система будет ждать приказа. Если народ не умеет ошибаться — система не прощает ошибок.

Он взял со стола папиросу, закурил.

— Ты знаешь, сколько мне осталось? Врачи дают пять лет. Может, семь, если повезёт. Я построил Империю — не Сталин, не Маленков, я. Я построил её из пепла сорок пятого. Я дал ей атомную бомбу, атомные реакторы, космос — да, и космос тоже, хотя об этом не пишут в газетах. Я дал ей Зеленоград, хотя ты прав, он ещё не стал Кремниевой долиной.

Он затаился.

— Теперь я должен построить то, что переживёт Империю. Не бомбу. Не заводы. Не ракеты. Принцип.

— Какой принцип? — спросил Завенягин.

— Принцип горизонтальной связи, — сказал Берия, и в его голосе прозвучало что-то почти весёлое. — Ты сам сказал. Система не переваривает горизонталь. Значит, надо создать систему, которая переваривает. Или — создать горизонталь внутри вертикали.

Он положил папиросу в пепельницу.

— Пиши вторую записку. Назови её «План Кремний». Не про микросхемы — про принцип. Как сделать так, чтобы советский инженер мог переходить из института в институт, не рискуя головой. Как сделать так, чтобы конкуренция идей стала нормой, а не подозрением. Как сделать так, чтобы гражданский рынок микроэлектроники возник сам, без приказа сверху. Это твоя задача. Срок — месяц.

Завенягин вышел на воздух в 23:45.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗЕРКАЛА

6. Видение: Токио, 1964

Он не помнил, как сел в машину. Не помнил, как доехал до Зеленограда. Память сделала странный скачок — и он вдруг оказался в другом времени, другом городе.

Октябрь 1964 года. Токио. Олимпийские игры — первые в Азии. Он был там в составе советской делегации, хотя к спорту не имел никакого отношения. Делегация была смешанная: спортсмены, дипломаты, разведчики и — он, инженер. Берия лично распорядился включить его в список: «Пусть посмотрит, что у них с электроникой».

И он посмотрел.

В магазине Sony на Гиндзе он увидел вещь, от которой у него перехватило дыхание. Портативный транзисторный телевизор. Крошечный экран — пять дюймов по диагонали, — но работающий. Изображение было чёрно-белым, с помехами, но оно было. Японцы сделали телевизор, который можно носить в руке.

Он купил один — за наличные, выданные ему резидентурой, — и привёз в Москву. В Зеленограде его разобрали до винтика, до последней дорожки на плате. И тогда он понял: Япония догоняет. Не Советский Союз — Япония. Страна, ещё двадцать лет назад лежавшая в руинах после Хиросимы и Нагасаки, — теперь делала транзисторные телевизоры, которые продавались в Нью-Йорке и Лондоне.

Как? Как им это удалось?

Ответ он нашёл не в магазине, а в разговоре с японским инженером — случайном, в баре отеля «Окура», за виски. Инженер говорил по-английски с сильным акцентом, но Завенягин понимал.

— Вы, русские, думаете, что мы копируем, — сказал японец. — Сначала копировали. Теперь — нет. Теперь мы лицензируем. Покупаем патент у американцев — транзисторный,

например. Делаем по патенту. А потом улучшаем. И патент на улучшение — уже наш. И мы продаём его обратно американцам. Это наш путь. Не догнать — обогнать по другой дороге.

Завенягин запомнил. Лицензирование. Не воровство технологий, а покупка с последующим улучшением. Не шпионаж, а рынок. Но рынок требовал открытости. А открытость требовала горизонтальных связей. Круг замыкался.

Видение растворилось. Он снова был в Зеленограде, на пороге своего кабинета, и на часах было 01:17.

7. План «Кремний». Первая версия

Он не пошёл домой. Вызвал секретаршу — ночную, из второго состава, — заказал чай и сел писать.

Он писал до рассвета.

План «Кремний» — первая версия, на пятнадцати страницах машинописи.

Пункт первый: мобильность кадров. Создать межведомственный резерв специалистов по микроэлектронике. Инженер, включённый в резерв, получает право перехода между институтами, конструкторскими бюро и заводами без санкции особого отдела. Переход оформляется не как перевод, а как временная командировка с правом выбора постоянного места работы. Риск утечки перекрывается повышенным жалованьем и социальным пакетом.

Пункт второй: конкурсная среда. В каждом НИИ микроэлектронного профиля учредить внутренний фонд рискованных разработок. Любой сотрудник от старшего инженера и выше может подать заявку на финансирование своей идеи. Заявка рассматривается не начальником, а анонимным научным советом из трёх человек — двое от своего института, один от другого. Решение принимается в две недели. В случае провала — никаких оргвыводов. В случае успеха — автор получает процент от внедрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.